

18+

ГЕННАДИЙ ЛОГИНОВ

**ИНВЕРСИЯ, ИЛИ
ДУЭЛЬ НА ЗАКАЗ**

Геннадий Логинов

Инверсия, или Дуэль на заказ

«Издательские решения»

Логинов Г.

Инверсия, или Дуэль на заказ / Г. Логинов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-834593-7

А что, если бы особо памятные моменты нашей жизни можно было бы сохранять, чтобы возвращаться к ним усилием мысли, словно к «сейвам» в видеоигре? А что, если бы жизнь можно было бы перематывать назад, словно киноленту, и, останавливаясь на выбранном отрезке, переигрывать всё по-другому? А что, если бы дуэльный кодекс был официально узаконен? И ещё целая масса «а что, если бы», над которыми роман предлагает присесть и призадуматься.

ISBN 978-5-44-834593-7

© Логинов Г.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	24
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Инверсия, или Дуэль на заказ

Геннадий Логинов

© Геннадий Логинов, 2020

ISBN 978-5-4483-4593-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Посвящается моему отцу

Глава 1

По-настоящему храбрым людям – незачем драться на дуэли, но это постоянно делают многие трусы, чтобы уверить себя в собственной храбрости.

Эрнест Хемингуэй

Подставив лицо порывам утреннего ветра, Хатхи Шан вздохнул полной грудью – благо специальные фильтры позволяли свободно дышать на такой высоте без ношения кислородных масок. Лазурный свет двойной звезды в это время казался особенно чарующим. Длинные караваны гравциклов и аэромобилей неслись в стремительном потоке броуновского движения, задавая ритмы мегаполиса. Стоя на самом краю обдуваемой всеми ветрами площадки, мужчина опустил взгляд вниз и, с известной долей иронии, задумался над тем, сколько дней должно миновать с момента падения до момента удара о землю, если ненароком сорваться с такой высоты.

Его оппонент, тучный немолодой мужчина с суровым лицом и хищно-звериным взглядом, вовсе не разделял восторга от вида красивых пейзажей. С ненавистью и презрением барон продолжал неотрывно всматриваться в одну лишь точку – спину своего обидчика. Секундант барона, худощавый высокий человек с водянистыми глазами, в соответствии с регламентом пересказывал ему и без того досконально изученные правила, но барон кивал не вслушиваясь.

Тем временем Хатхи Шан никуда не торопился и вполне мог позволить себе лишний раз позлить противника своим приподнятым состоянием духа. От бдительного взгляда шевалье не ускользнули теледроны, то здесь, то там парившие в воздухе на почтительном расстоянии. Действительно, с одной стороны они терялись на фоне оживлённой аэромагистрали большого планетарного города, с другой – не то чтобы и пытались особенно шифроваться.

Мужчина саркастически покривился. Вообще снимать о дуэлях телерепортажи, как и приглашать на них лишних свидетелей, демонстрировать их в прямом эфире и, тем более, устраивать из них развлекательное шоу считалось в приличном обществе дурным тоном. Во всяком случае – когда проводимая дуэль не касалась лиц первой величины или не затрагивала событий, как минимум, планетарного масштаба. Но, тем не менее, лишняя известность и бесплатная реклама были Хатхи Шану только на руку.

Скорее всего, господин бургграф, не только любезно подписавший дуэльный акт, но даже предоставивший площадку для поединка, решил наглядно удостовериться в соблюдении всех предписаний дуэльного кодекса.

Хотя, вероятно, для этой относительно унылой планетёнки подобное событие действительно могло выглядеть чем-то из ряда вон выходящим. Ну, что ж – пусть полюбуются, нам не жалко.

Разумеется, выполнение контракта являлось вопросом профессиональной этики и, как правило, бретёры не примешивали своё личное отношение к выполняемой работе. Однако же в этот раз Хатхи Шан чувствовал, что испытает неподдельное удовольствие, отправив к праотцам господина барона Валака.

Визави вызывал у него некоторый интерес и вместе с тем несколько смешанные чувства.

Во-первых, дуэли на этом... как его... Алиусе формально были с недавних пор узаконены, однако пока ещё де факто не прижились, посему данный прецедент рассматривался местной общественностью, как минимум, в качестве весьма эксцентричного поступка, допустимого в соответствии с буквой закона, но не нормами общественной морали. Из чего следовало, что барон Валак запросто мог бы избежать дуэли, и в данном конкретном социуме это никак не отразилось бы на его репутации.

Более того, встречались и такие миры, где сам факт участия лица в дуэли, вне зависимости от причин её проведения, уже приносил ему дурную славу, даже если он фигурировал там в роли секунданта или наблюдателя. То, что Хатхи Шан в любом случае нашёл бы повод подорвать положение барона в обществе, – вопрос другой. Но, надо отдать врагу должное, он согласился на дуэль.

Во-вторых, барон, в силу возраста и прочих обстоятельств, в принципе был вправе не выступать сам, а выставить вместо себя иного представителя – скажем, того же коллегу-соперника Хатхи из Дуэльной Гильдии.

Однако же он посчитал необходимым сразиться лично, что, опять же, несколько повышало Валака в глазах его соперника.

И – тем не менее...

...Холёный беспринципный чиновник из богатого сословия, не обременённый излишней эрудицией, мыслящий одними лишь материально-прибыльными категориями, большую часть жизни занимавшийся распиливанием средств, похищенных из карманов обитателей своей планеты...

В общем, этот человек был отвратителен Хатхи. Но если в глазах бретёра господин барон заслуживал презрения как частный представитель своей порочной породы, то известная доля симпатии относилась уже к личным качествам Валака. В частности, шевалье несколько удивил сам выбор оружия и условий поединка, сделанный его соперником.

Как правило, большинство дуэлей, в настоящее время, сводилось к поочерёдному обмену выстрелами из парных дуэльных плазмопистолей с относительно безопасного расстояния. Порою даже с активированными персональными щитами, пусть и низкой магнитуды.

Разумеется, нередки были случаи тяжёлых ранений или даже смерти одного, а то и сразу обоих участников поединка – на то они, собственно, и дуэли. Тем не менее, пусть и не в подавляющем, но всё-таки в большинстве случаев дуэли с применением стрелкового дуэльного оружия заканчивались вполне себе бескровно.

Дуэли же на гравирапирах пусть и встречались, но существенно реже: на каждые десять дуэлей примерно семь приходилось на стрелковое оружие, две – на оружие ближнего боя, и одна – на что-нибудь совсем уж экзотическое, вроде метания гадюк в условиях невесомости или попыток взаимного удушения гарротами.

Причины были просты: даже если ситуация вынуждала пустить в ход оружие, это не всегда означало, что гибель одного из участников является всенепременным условием проведения дуэли. И даже в подобном случае оружие и условия дуэли, как правило, подбирались так, чтобы разница в возрасте и физической подготовке дуэлянтов не могла существенным образом повлиять на её исход.

Тем не менее барон предпочёл сражаться не просто лично, но ещё и с оружием ближнего боя, в условиях ограниченного пространства, с наличием факторов, сверх того создающих дополнительные риски для жизни.

Не то чтобы вышеперечисленное радикальным образом изменило отношение бретёра, в прошлом выходца из низов, к очередному зажавшемуся бюрократу, однако, чисто по-мужски, он даже невольно начал испытывать к нему некоторое уважение.

Впрочем, как бы то ни было, все присутствующие понимали: компромиссы и примирение решительно невозможны, а значит, как минимум один из дуэлянтов сегодня обязательно погибнет.

– Ну что ж, я вижу, ты готов, – незаметно приблизившись, скорее констатировал, нежели осведомился Гистен Жарлин. В настоящий момент исполняющий для Хатхи обязанности секунданта, он остановился подле него, составив своему протезе компанию в любовании городской панорамой.

Массивные шпили, широкие площадки, аэроплатформы для воздушной парковки и дозаправки, снующие по своим прямым рабочим обязанностям неутомимые автоматы, впечатляющие рекламные голопроекции...

Вполне возможно, что ночью этот город смотрелся бы интереснее, но у парочки неразлучных авантюристов не было причин оставаться в таком месте столь долгое время.

Гравикар с туристами пронёсся несколькими ярусами ниже. Судя по всему, они, как и жители верхних ярусов ближайших построек, были бы совсем не против увидеть предстоящий поединок собственными глазами, но – увы.

Предоставленная бургграфом площадка, открывавшая вид на прекрасную панораму, называлась «Стоянкой семи ветров» и располагалась существенно выше всех окружающих зданий, дрейфующих рекламных щитов и парящих аэроплатформ. Ни на этом уровне, ни выше не пролетало ни единого вида транспорта: в соответствии с негласными правилами проведения дуэлей поединок должен был происходить вдали от посторонних глаз. Зеваки, случайное вмешательство внешних факторов, отвлекающие элементы – всё это было бы излишним.

– Более чем, – несколько промедлив с ответом, согласился Хатхи. – Нет, какая же, всё-таки красота. Жаль только, что для того, чтобы оценить её, – пришлось взобраться так высоко. Там внизу – кругом одно сплошное уродство.

– Может быть, пора бы уже и начинать? Мы и без того порядочно заставили господина барона ждать, – слегка поторопил Жарлин, оценив протяжённость воздушных пробок на одном из перегруженных ярусов общего аэропотока. Да, концентрация транспортных средств на единицу пространства делала манёвры и перестраивание в иные ряды занятием весьма затруднительным.

– Ты успел запомнить? – в который уже раз уточнил секундант.

– Практически уверен, – не оборачиваясь кивнул дуэлянт.

– Так всё-таки «практически» или «уверен»? – на всякий случай конкретизировал Жарлин. Меморизация структуры момента перед приёмом психоблокатора была вопросом жизни и смерти.

– Здесь невозможно давать гарантий. Для меня, во всяком случае, – Шан развёл руками. – Это не работает со стабильностью пистолета.

– Ну, смотри сам. Моё дело – напомнить... Минуту назад мне позвонил искинт. Просматривает текущие новостные ленты. И его кое-что смущает, – поведал Жарлин.

– Что именно? – повернувшись вполборота, уточнил Хатхи.

– Папарацци. Они просто оккупировали всё вокруг. Пикеты с транспарантами у самого космопорта. Силам городских властей с трудом удаётся их сдерживать. А нам ещё через них пробираться, – секундант поёжился. – Отсталая планета. Столько внимания для заурядного события.

– Зачем уж прямо так? Просто у них здесь иной уклад, иные традиции, иная атмосфера. Должно всё с чего-то начинаться? Дурная слава – это всё равно слава. Пройдёт некоторое время, и они заговорят по-другому, – пожал плечами Шан.

– Или нет, – скептически покривился Гис. – Но, по крайней мере, в одном ты прав. Антиреклама – это тоже реклама. И с чего-то необходимо начинать. Искинт это тоже прекрасно понимает, поэтому уже включил в наш персональный график одно короткое интервью местному каналу.

– Когда? – на всякий случай спросил Хатхи, уже и без того зная ответ.

– Да хоть сразу же после дуэли, как приведёшь себя в приличный вид, – предложил Жарлин. – Барон, полагаю, тоже желает таким образом пропиариться, раз повёлся на всю эту авантюру.

– А барон-то, как ни странно, оказался человеком чести, – с улыбкой заметил шевалье.

– Да. Если под человеком чести понимать такого человека, который постоянно и безапелляционно называет себя таковым, выражая при этом готовность убить любого, кто посмеет в этом усомниться, – лаконично подметил секундант.

Спустя мгновение Хатхи звонко рассмеялся в голос, несильно хлопнув товарища по плечу. Естественно, эти действия не остались незамеченными противной стороной.

– Позвольте спросить, что это вас так развеселило? – с неудовольствием осведомился секундант барона, насупив брови.

– А, не обращайтесь внимания, господа, пустое... – отмахнулся Шан, с лёгкой небрежностью в движениях отходя от края платформы. – Положенные с момента принятия препарата полчаса миновали, и больше я не имею причин вас задерживать. Приступим?

– Давно пора, – впервые за долгое время подал басистый голос барон, разминая кисти рук перед боем.

– В таком случае, господа, прошу вас проследовать на середину площадки, – пригласил Гис, кивнув секунданту барона.

Все четверо неторопливо сошлись в обозначенном месте. Остановившись, противники, ещё до объявления начала поединка, уже начали свою немую дуэль глазами. Барон стоял привычно, массивной громадиной возвышаясь над соперником, и сверлил его испытывающим взглядом, полным угрозы. Бретёр же выглядел совершенно невозмутимым и, более того, откровенно ухмылялся, ещё в большей степени выбеживая Валака.

Переведя настороженный взгляд от одного дуэлянта к другому, секундант барона подал знак Жарлину, и оба, достав спектральные сканеры, тщательным образом проверили противников своих подопечных на отсутствие запрещённых устройств.

Оставшись удовлетворёнными, секунданты вернулись на прежнее место, и слово взял представитель барона.

– Согласно положению настоящего дуэльного акта сторонами было выбрано следующее оружие: гравирапира с гравидагой, представленные в парном комплекте. Согласно положению настоящего дуэльного акта дуэль проводится в соответствии со стандартными правилами поединка на холодном оружии, в движении, на ограниченной территории, с отдельно оговорёнными нюансами, такими, как: запрет на проведение захватов руками или ударов ногами, запрет на использование силовых щитов... – важно и чинно зачитывал мужчина, пока барон его не прервал.

– Довольно. Мы и так ждали лишние полчаса, пока эти экстрасенсы отключат свои способности, – раздражённо отмахнулся он. – Давайте уже начнём!

– Давненько не видел, чтобы человек так спешил на тот свет. Но – лично я только «за», – сложив руки на груди, ехидно заметил Хатхи.

– Это мы ещё посмотрим, – одарив дуэлянта очередным презрительно-убийственным взглядом, пообещал Валак.

Секундант барона вновь обратился к Жарлину и, не получив возражений, подал знак автоматону, дежурившему в стороне возле гравиплатформы, до этого поднявшей всех на дуэльную площадку.

Беспристрастный механизм покорно приблизился и, встав между поединщиками, распахнул принесённый им футляр, в котором на специальных подставках находились четыре клинка – два длинных, основных, и два коротких – вспомогательных. Внешне пары выглядели совершенно идентичными, за исключением насечек с цифрами «1» и «2».

– Право выбора оружия предоставляется господину барону, – с почтительной учтивостью предложил Жарлин.

– Я – всегда привык быть первым. И бить – первым, – выбрав пару по вкусу, заявил Валак.

– Детский сад, – прокомментировал Хатхи, взяв пару с номером «2».

Сбалансированные клинки из прочного, как алмаз, обогащённого активными наногравитами сплава могли ощутимо увеличивать или уменьшать свою массу, повинаясь передаваемому на нейроимпульсном уровне мысленному приказу владельца оружия, и таким образом за доли секунды из невесомых, будто перо, рапир превращались в момент нанесения удара в тяжеленные махины, способные разрубить надвое многотонный бетонный блок. Правда, обычные гравирапиры не были рассчитаны на колоссальные величины, ограничиваясь генерируемой искусственной тяжестью в пределах килограммов. Разброс массы колебался от нескольких граммов до нескольких тонн и зависел от различных факторов: концентрации активных наногравитов в изделии, заводских ограничений, особенностей конструкции; но, в любом случае, неизменным оставалось одно – специально не обучавшийся искусству владения подобным оружием человек скорее мог покалечиться сам, нежели успешно использовать подобное страшное оружие в бою.

Аналогичная технология применялась в различных персональных устройствах: к примеру – в специальных скафандрах, или «гермодоспехах», с генераторами гравитации, именовавшимися «нагнетатели». Нагнетатели позволяли создать локальный очаг направленной массы, чтобы, скажем, иметь возможность ходить по стенам или потолку, когда того требовали спасательные операции, инженерные работы или решение военно-стратегических задач.

Тем не менее, использование, добыча исходных материалов, изготовление наногравитов и обогащение ими подходящего материала было делом весьма дорогим и затратным вне зависимости от степени их концентрации, что, в свою очередь, автоматически относило вещи, изготовленные с их использованием, к эксклюзивным заказам, а личностей, использующих подобные предметы, – к общественной элите или, как минимум, их ближайшим сподвижникам.

Использование наногравитов, как правило, ограничивалось относительно небольшими предметами, для которых было бы неприемлемым использование огромного стационарного источника энергии. В то же самое время использовать наногравиты для создания тяготения на звездолёте обошлось бы в астрономически запредельную сумму: вместо этого звездолёты на гравиметрической тяге использовали сложную систему перераспределения энергии для создания искусственной массы и обеспечения экипажам кораблей комфортных и привычных условий. Корабли подобного типа, вместо выброса реактивной струи, манипулировали гравитационным притяжением или отталкиванием корабля для перемещения в пространстве до указанной цели. Это, надо сказать, тоже было удовольствие не из дешёвых, поэтому на менее дорогих моделях гравитация «по-старинке» поддерживалась за счёт вращающихся секций, создающих центробежную силу, а совершенным нищелюдам так и вовсе приходилось познавать на личном опыте всю радость невесомости на борту.

Как бы то ни было, дуэли на гравирапирах не только были опаснее, но и обходились дороже, в сравнении с обычными стрелковыми. В конце концов позволить себе пистоль того или иного качества мог каждый обладатель лицензии на его ношение. А его применение на дуэли ни в коей мере не умаляло чести и достоинства использующего. Или, точнее, его престижа – умения грамотно бросать понты. В то время как наногравитные рапиры, являвшие собою атрибут не только военной, но ещё и весьма зажиточной аристократии, не валялись на каждом углу.

Тем временем, секунданты с автоматом удалились на гравиплатформу, которая неспешно воспарила прочь с площадки, предоставив дуэлянтам простор для действий, а секундантам – удобный обзор.

Казалось, даже порывы бодрящего ледяного ветра не в силах остудить горячую кровь барона. Рубанув для пробы воздух, грузный гигант устремился на свою сторону дуэльной платформы и, с вызовом глядя на противника, встал, дожидаясь сигнала.

Хатхи занял боевую стойку, нацелив оба клинка остриями вперёд, на уровне шеи противника. Спустя несколько мгновений, показавшихся бесконечно долгими, знакомый голос Жар-

лина донёс: «Начинайте!» – и оба дуэлянта начали движение. Разъярённо крикнув, будто ретивый боров, господин барон пронёсся вперёд с неудержимостью локомотива. Казалось, один лишь вид его озлобленных, налитых кровью глаз, жуткого звериного оскала, крупной массивной фигуры – способен раздавить любого врага и безо всякого сражения.

Однако, как оказалось, для проведения успешного боя иногда необходимо нечто большее, чем просто слепая ярость. Обрушенный Валаком клинок со звучным свистом поразил пустоту, в то время как гравирапира противника тотчас мелькнула откуда-то сбоку.

С неожиданным для человека своего возраста и комплекции проворством, барон своевременно отвёл вражеское лезвие вбок и вместе с тем, делая шаг и разворачиваясь всем корпусом, контратаковал коротким клинком. Уйдя и от этого удара в сторону, Хатхи сделал ответный выпад, но в этот раз барон поставил жёсткий блок, остановив клинок ненавистного врага буквально в дюйме от своего лица. Кинжал Валака метнулся в сторону груди шевалье, но упреждающий отвод Шана свёл эту попытку на нет. Надавив всем своим немалым весом, барон попытался слегка оттолкнуть противника, но, вместе с тем, сделать это довольно осторожно, чтобы не попасть в коварную ловушку, провалившись вперёд, и, оставшись открытым для контрудара, упасть на клинок.

Собственная масса барона Валака была незначительной в сравнении с массами, нагнетаемыми гавирапирами по мере выполнения мыслеприказов, но, тем не менее, в какой-то момент противники увеличили расстояние между собой, готовясь к очередному заходу и отражению атак.

Повторив прежнюю боевую стойку, шевалье занёс оба своих клинка остриями вперёд, нацелив их, будто бы два смертельных жала, на уровень шеи барона. Понимая, что одним лишь напором и проявлением грубой силы противника не запугать и не подавить, барон выставил вперёд основное оружие, удерживая дагу ближе к груди. Во взглядах обоих соперников происходила переоценка ситуации и противника. От беззаботной насмешливости Хатхи не осталось и следа – теперь он был по-деловому настроен и вполне серьёзен. В безучастных глазах читались эмоции голема и ледяная решимость как можно быстрее и надёжнее отправить врага на тот свет. Безо всяких шуточек, безо всяких представлений, экивоков и показательной удали.

Вместе с тем барон выглядел напряжённым, а по его вискам стекал пот. Противник больше не виделся ему дерзким сопляком, лёгкой добычей и размазнёй. Однако теперь с горячей головы барона выветрились вся лишняя спесь, злоба и дурь, позволяя трезво смотреть на вещи и полагаться, для разнообразия, и на холодный ум. Его глаза по-прежнему были полны решимости, просто теперь на её сторону встало благоразумие.

Взволнованный секундант Валака водил напряжённый взгляд от бойца к бойцу, пока те переводили дыхание в ожидании первой реакции от врага. Жарлин наслаждался видом дуэли с явным интересом и задорной улыбкой.

Осторожно и неторопливо дуэлянты начали сближаться, занеся оружие для защиты и наступления, стараясь не упустить движений врага.

– *Tempus fugit!* – неожиданно выкрикнул шевалье, сопровождая свои слова уверенным резким выпадом.¹

Клинки со звоном упали у ног барона, в то время как их недавний владелец, недоумённо вытаращив глаза, схватился за рассечённое горло. Теряя кровь и равновесие, Валак упал на колени, как будто собрался молиться. Мужчина успел лишь издать сдавленный хрип, и в следующий миг прошедший наискось удар врага разделил его тело надвое.

Побледнев от увиденного, секундант барона прикрыл рот и, отвернувшись, вырвал прямо вниз, в гущу стремительно пронесившегося аэропотока.

¹ «Время уходит!» (лат).

– *Casus ordinarius*, – спокойно прокомментировал Жарлин, следом отдавая распоряжение автомату: – Спускаемся. Так понимаю, автодок здесь уже никому не понадобится.²

Тем временем, отвернувшись от бранных останков незадачливого соперника, бретёр перевёл дух, в очередной раз оценив красоту уходящего рассвета. Барон был мёртв, но новый день – родился.

– Канал «Голос Галактики»! Господин шевалье, как вы себя ощущаете?

– Без комментариев...

– Газета «Созвездия»! Господин шевалье, что вы чувствуете, убив человека?

– Без комментариев...

– «Братство Вселенной». Господин шевалье, верите ли вы в загробную жизнь?

– Без комментариев!

– «Факт или чушь?». Господин шевалье, в какую сумму вам обошлась жизнь господина барона?

– Без комментариев!

– «Дети Индиго». Господин шевалье, говорят, что ваши родители были коренными землянами. Это правда?

– Господин шевалье! Господин шевалье!

– Без комментариев! Без комментариев! – неустанно повторял Жарлин, расчищая своему подопечному путь сквозь толпу журналистов.

Теледроны парили в воздухе, то отдаляясь, то приближаясь, то пролетая над головой, то снижаясь и зависая перед лицом то и дело подыскивая подходящие ракурсы.

Кто-то из местных именитых журналистов не поленился явиться лично, кто-то пытался взять дистанционное интервью посредством своих технических гаджетов, общаясь с помощью голограммы или интерфейса теледрона.

– Господин шевалье! Господин шевалье! Вы так и не ответили ни на один вопрос!

Не обращая внимания на эту голодную до сплетен и слухов свору, Хатхи Шан молча следовал за своим импресарио, восстанавливаясь после боя.

Обычно он умело работал на публику и устраивал грандиозные по масштабам актёрской игры представления, однако эта провинциальная планета, с её унылыми захолустными пейзажами нижних ярусов, не заслуживала, на его взгляд, такого внимания. Да и ситуация, мягко говоря, не очень располагала.

– Тварь!

– Убийца!

– Мразь!

– Дикарь!

– Варвар!

Это были наиболее лестные и приличные высказывания, из сыпавшихся со всех сторон возгласов. Равно как голографический транспарант с широкой надписью «НЕТ ДУЭЛЯМ» можно было назвать единственным, не содержащим ненормативную лексику и прямых призывов к проведению самосуда.

Толпа не то чтобы настолько любила Казимира Валака, что собиралась за него мстить: останься он жив – ему и самому бы пришлось несладко. Дело было в другом: собравшихся волновали не столько личности дуэлянтов и причина состоявшегося поединка, сколько сам факт узаконенного проведения дуэли. Можно было издавать какие угодно законы, грозить дуэлянтам отлучением от церкви, смертной казнью, пожизненным заключением, либо, наоборот, всячески поощрять и культивировать моду на проведение дуэлей на уровне государственного аппарата; но решающим фактором в данном вопросе, несмотря на весь официоз, всегда было

² «Обычное дело» (лат).

и оставалось общественное мнение. Причём, практически в любом месте и в любое время – без исключений.

Несколько камней, пустых бутылок и палок, живописно пролетев, упали, встретив на своём пути стенку силового поля, по которой, затейливо переливаясь всеми цветами радуги, прошла неровная рябь. По периметру оперативно развёрнутого силового поля в герметичных доспехах из композитного бронепластика, с пульсомётами наизготовку стояли внушительного вида стражи порядка. Стационарные барьеры, как правило, пусть и не служили панацеей от всех бед, но рядовые беспорядки, без использования серьёзного оружия и особой техники, пресекали на ура. Другое дело – устройства персональной защиты. Силовое поле, окружающее живого носителя, во-первых, не следовало держать активным в течение длительного времени, поскольку это оказывало негативный эффект на здоровье использующего; во-вторых, оно было откалибровано так, что, не считая защиты от энергетического воздействия, предохраняло своего носителя от угрожающих факторов, чья скорость превышала определённый установленный порог. Так, скажем, персональный щит мог остановить быстро летящую пулю или выпущенный из недр импульсной винтовки ферромагнетный болт, отразить лазерный луч или в какой-то степени рассеять плазменный сгусток, но, скажем, против брошенной палки или удара кулаком он был совершенно бесполезен. И в этом не было ничего странного: в противном случае носитель никоим образом просто не мог бы как-либо контактировать с внешней средой за пределами окружавшего его силового поля.

– Убирайся вон с нашей планеты!

– Господин шевалье!

– И не смей возвр...

– ...алье!

Хатхи не слышал. Он лишь смутно представлял себе, сколько жизней ему пришлось бы прожить, для того чтобы последовательно призвать к ответу и прикончить на дуэли каждого из этих назойливых журналюг и крикливых горлопанов в ответ на их упрёки и оскорбления. Одна жизнь? Две? Или, может быть, сразу три? Впрочем, смерть от руки шевалье, во всяком случае – на дуэли – им не грозила по целому ряду причин, начиная от несоответствия в статусе и заканчивая «правилом одной дуэли».

Да, это была его работа. Да, он честно предлагал свои услуги, заключал контракты и практически как наёмный убийца устранял врагов своего заказчика, получая за это деньги. Формально, конечно же, принципиальные различия были, и Хатхи, не моргнув глазом, мог бы прочитать желающим убедительную лекцию по данной теме. Но при этом сам он был склонен в меньшей степени верить своим словам. Вот как сейчас, например: шевалье пытался убедить себя, что давно отвык принимать близко к сердцу чужое мнение и теперь с лёгкостью игнорирует нравы толпы. Но это было не так. Ему было вовсе не всё равно. И дело было скорее не в том, чем именно он занимается, и даже не в том, сколько ему за это платят: Хатхи Шана словно бы питала энергия публики. Когда она рукоплескала ему, он заряжался силой и расцветал. Когда она хулила его, презирала и ненавидела, он словно бы получал незримую эмпатическую пощёчину, которая ещё долгое время ощущалась в его ментальном фоне. И сейчас, окружённый океаном лиц, он испытывал боль.

Разумеется, Хатхи каждый день устанавливал новый ментальный экран, однако активно сопротивляться сконцентрированной и направленной энергии толпы после приёма препарата он не мог – прошло ещё слишком мало времени. Впрочем – что поделать: таковым было одно из официально регламентированных условий проведения дуэли. Кому же захочется, чтобы во время боя экстрасенс читал его мысли, ментально подавлял, внушал ошибочные движения, предугадывал действия, вынуждал раскрываться...

То же самое относилось не только к экстрасенсу-дуэлянту, но и к экстрасенсу-секунданту, поэтому Гистену приходилось в настоящий момент испытывать все те же самые труд-

ности. За подобными вещами строжайше следили, и даже если бы обычный человек согласился выступить на дуэли против патентованного экстрасенса, не обязывая того к приёму препарата, временно подавляющего ментальные силы последнего, – после победы экстрасенса поползли бы неприятные слухи.

Его дар имел двоякую природу, совмещая в себе как силу, так и проклятье. Псионик очень тонко ощущал настроение окружающих: любовь, гнев, религиозный экстаз и прочее. Вся эта гамма чувств могла как питать его, так и ранить. Псионик и дуэлянт: такое сочетание выглядело просто гремучей смесью, налагая на бретёра дополнительные обязательства. Что, впрочем, не являлось чем-либо особенным для Дуэльной Гильдии, где подобные способности целенаправленно обучали развивать наравне со всевозможными прочими обязательными дисциплинами.

– *Duobus litigantibus tertius gaudet.* Потерпи ещё немного – мы уже почти пришли, – не оборачиваясь, тихо попросил Жарлин и, повысив голос, обратился уже к толпе журналистов: – Расступитесь! Дайте пройти! Мы очень торопимся! Ответы на все вопросы будут даны в ходе ближайшей пресс-конференции! Дуэль только закончилась – человеку нужно время, чтобы передохнуть!³

– *Favete linguis. Est modus in rebus,* – тихо промолвил Хатхи, чувствуя нацеленные на него взгляды. В каких-то мирах на него просто не обращали внимания. Где-то его уважали. Где-то – опасались, стараясь держаться на почтительном расстоянии. Где-то откровенно боялись. Где-то любили, а где-то – просто боготворили. Здесь же – его презирали и ненавидели. И как личность, и как носителя идеологически чуждой этому отсталому миру морали. А впрочем, отсталому ли? Что ж, как он там раньше сказал? Пусть пройдет какое-то время – и всё изменится. Или нет.^{4 5}

Едва массивные ворота космопорта затворились, отрезав преследовавшую вплоть до самого КПП толпу папарацци, Жарлин демонстративно вздохнул с облегчением.

– Слава Богу, оторвались. Просто даже не верится. Из каких только нор они выползают? – раздражённо прокомментировал Гис и следом добавил: – Теперь по поводу господина барона. При его секунданте не хотелось говорить, при журналистах – тем более, но – безукоризненно чистая победа. Ты молодчина, Хатхи.

– Спасибо, стараюсь, – по-прежнему оставаясь не в лучшем расположении духа, ответил тот. – Хотя мне, всё-таки, кажется, что я мог бы управиться и лучше.

– Слушай, извини меня, конечно, НО: ты – жив, а он – мёртв. При этом – на тебе, ко всему прочему, ни единой царапины, – констатировал Гис. – На мой взгляд – это объективный показатель мастерства. Или, как минимум, колоссального везения. Так что давай уже завязывай со своим чистоплюйством. Там, где не смотрится эффектно, хватит и того, что работает эффективно.

Мимо, удерживая буксирными лучами массивный контейнер, пролетела группа погрузочных дронов. Разминувшись с ними, в противоположном направлении протопал ремонтно-строительный автоматон-гигант. Где-то вдали, за стенами космопорта, со скоростью ферромагнетного болта пронёсся поезд на гравитационной подушке. Спустя несколько мгновений, гравикар, управляемый автоматом более привычного размера, подлетел, зависнув перед пришедшими. Приглашающе отворив дверцы, водитель вежливо предложил присаживаться. Гис разместился напротив автомата, а Хатхи, предпочтя заднее сиденье, расположился у окна, осматривая несколько изменившийся с утра пейзаж.

³ «Двое дерутся – третий радуется» (лат).

⁴ «Попридержите языки; помолчите» (лат).

⁵ «Всему есть предел; всё имеет свою цену» (лат).

Снаружи промелькнула служебная стоянка с несколькими аэромобилями и гравитиками, рабочие цеха, ангары, а впереди ожидала широкая площадь с посадочной зоной. Как бы то ни было, космопорт был в достаточной мере большим, что вынуждало перемещаться в его пределах на транспорте. Многие развивающиеся миры не могли похвастаться и этим, однако же, к чему сравнивать плохое с худшим? В данном случае «больше» ещё не означало «лучше». С одной стороны, здесь было всё, что душе угодно, – если, конечно, она у вас была и сохранилась после посещения всех значных мест. Бары, ночные клубы, гостиницы для залётных пилотов, межрасовые бордели, наркопритоны, чёрный рынок, общины разнообразных сект и далее в том же духе – эдакий формально не признаваемый город в городе, живущий своими законами и атмосферой.

Толпа снаружи, наверное, до сих пор скандирует: «Нет дуэлям! Долой варварство!». А здесь, посадив звездолёт, можно не отходя от кассы совершить дюжину убийств и десятка два изнасилований в каких-нибудь загаженных подворотнях, пустующих ангарах, подсобках и подвальных помещениях местных кабаков, – и никто потом особо не будет расследовать и разбираться.

Разве что если ощутимо превысить некий условно дозволенный «лимит», сработать слишком явно и грубо, не будучи вхожим в местную среду, либо перейти дорогу тому, кому не следует.

Если на мусорной свалке находят тело с десятком ранений от виброножа, какой вердикт вынесет эксперт? Разумеется, «неврастенический приступ с последующим самонасением увечий». А как же иначе? А то много вас тут, на каждого ещё дело заводить. Так, вероятно, и «самоизнасилование» с «самоограблением» скоро будут заносить в ведомости.

Впрочем, от тел куда проще было избавиться так же, как и от всего остального, – забросив в стандартный энергоконвертер, одновременно выполняющий функции контейнера для переработки мусора и автономного источника питания. Такие урны и контейнеры стояли буквально на каждом углу, однако же всё равно находились свиньи, мусорившие поблизости, создавая дополнительные хлопоты и без того загруженным автоматам-уборщикам. Даже труп за собой – и то иной раз лень убирать.

Правда, обычно в современных энергоконвертерах устанавливалось специальное устройство – анализирующий сортировщик, который должен был прекращать работу конвертера, если в нём обнаруживалось нечто, что могло быть квалифицировано как живой организм, либо что-то, по меньшей мере, когда-то им бывшее. После чего подавался сигнал на пульт дежурного, а уже тот мог отдать команду на продолжение переработки, либо подать сигнал тревоги.

Так, в конвертер могли случайно угодить собака, кошка, мышь, какое-либо другое животное, либо кто-нибудь, скажем, мог забросить куриные объедки, и компьютер обладал достаточно точным алгоритмом распознавания, чтобы различать принципиальную разницу и не спутать их с телом мёртвого человека. Другое дело, что подобная предохраняющая система не работала бы, угоди в контейнер представитель кремниевой, плазмоидной, электромагнитной или какой-либо другой неорганической формы жизни. Но способа обойти подобную недоработку ещё не изобрели, а прецеденты если и имели место быть, то ничтожно редко.

Впрочем, Алиус, как уже не раз говорилось, считался вполне себе заурядным местом, как и система Гераклия в целом, поэтому здесь сгруппировались на всём, и даже энергоконвертеры стояли допотопные, без каких бы то ни было анализаторов.

Но пикетчики по этому поводу что-то особо не возмущаются. Просто Хатхи прилетел и улетел на пару с другом, связей у него тут нет, за спиной никто не стоит – можно бы и грязью полить; зато с местными криминальными авторитетами ещё предстоит жить и жить. Вернее – выживать. И то – если очень повезёт. Так, что там было про бревно в глазу?

Ладно, во всяком случае, местный синдикат сегодня понёс определённую утрату в лице господина Валака. Пусть не ферзь, конечно же, но – далеко и не пешка. В глобальном плане, само собой, это не более чем капля в море, но, как говорится, «мелочь, а приятно».

Не во всех культурных традициях обычаи непременно требовали отвечать на обиду поединком, да ещё и самолично разбираться с обидчиком. Но, пожалуй, не вступи барон в поединок, он мог бы упасть в глазах пусть не общественности Алиуса, но, возможно, своих подельников. Какой мотив им двигал, уже наверняка не узнаешь. Возможно, это так не оставят, но Хатхи, как и его соперник, прекрасно знал, на что шёл и чем это может обернуться. Врагом больше, врагом меньше: какая, собственно, разница? Вон их и так сколько.

Нападение в тёмном безлюдном месте безо всяких правил дуэльного кодекса? Ну, так и препарат принимать не потребуется. А даже группе людей сойтись в открытую с боевым экстрасенсом, который, теоретически, может даже почуять нацелившегося на него снайпера и оказать воздействие на его сознание, – мало не покажется. А тем более – сразу с двумя.

Впрочем, в конкретный данный момент его психоблокирующий препарат ещё не окончил своё подавляющее действие, и об этом печальном факте не стоило забывать.

Несмотря на то, что именно в этом месте столичный город ежедневно принимал десятки тысяч инопланетных гостей и иммигрантов, космопорт Алиуса нельзя было назвать достопримечательностью даже на фоне общей унылости этой развивающейся планеты. Серый, мрачный, лишенный каких-либо особых украшений и броских рекламных вывесок, что само по себе было странно и необычно, порт проектировался, исходя из соображений простоты и надёжности. И, надо признать, в плане общей защищённости он и вправду был оборудован неплохо, чего никак нельзя было сказать касательно общего удобства.

Допотопные автоматы полуржавой массой сновали по всей территории космопорта, по-своему напоминая крупных трудолюбивых муравьёв. Гравифургоны, забитые техническим оборудованием, разногабаритными контейнерами и топливными баками разъезжали от звездолёта к звездолёту и от ангара к ангару. Беспристрастный робовоин-автомат выписывал штраф нерадивому торговцу, в то время как парочка других робовоинов с табельными пульсомётами контролировала процесс разгрузки и конфискации контрабанды, осуществляемый автоматами-рабочими. Человек выглядел подавленным и несчастным, но его слова не могли разжалобить машину. Сотрудники миграционной службы неторопливо выгружали из малогабаритного межпланетарного маршрутного флаера группу инопланетных нелегалов. Массивный киберкиоск на антиграве неторопливо летал по территории, предлагая всевозможные лёгкие перекусы и прохладительные напитки.

В стороне, на одной из высоких стен космопорта, неподалёку от череды выцветших ободравшихся плакатов, приглашавших всех желающих посетить давно состоявшиеся концерты, выдавший виды автомат сводил короткое неприличное слово, написанное славянскими буквами, ярко выделявшееся своей свежестью на фоне всевозможных загогулин, щедро оставленных вандалами со всех уголков галактики. Стараниями трудяги, третья буква была уже почти стёрта, но символы, напоминающие икс и игрек, ещё оставались читабельными.

На служебных посадочных площадках, возле больших турельных башен, над которыми переливалось лазурное поле силового щита космопорта, располагались штатные звенья глайдеров сил планетарной обороны: практичный бесхитростный дизайн, стандартные пульсарные орудия, эмблема державы, позывные номера.

Звездолёт-робовоин, большую часть времени осуществлявший патрулирование границ системы и защиту фрахтовщиков на ближайших к планете сырьевых базах, сдав вахту, занимался общей самодиагностикой, дозаправкой и саморемонтом.

Преимущественно – вокруг угнездились корабли держав, представлявших Альянс Человечества. Туристические лайнеры, транспортно-торговые перевозчики, курьерские, дипломатические и прочие всевозможные по большей части небоювые суда.

Тем не менее, на общем фоне несколько выделялись и немногочисленные корабли с традиционным дизайном иных рас галактики. Минорские торгово-боевые «лабрисы», разведовательно-посыльные «иглы» суанти, «парящие звёзды» кармулианцев, «катушки» атайли, миссионерские «подковы» армелиохов, равальгарские рейдовые драккары, грассианские яхты, хисанские «жуки», мальвианские «летучие аквариумы», горгонианские «боевые кальмары» и ксенохитиновая ладья, каперы, наёмники и торговцы всевозможных фракций Союза Малых Держав. Впрочем, многие вполне успешно могли совмещать деятельность кондотьера, капера и торговца.

Всевозможные пирамидки, сигаровидные звездолёты, обтекаемые треугольники, дисколёты, расположенные на крупных заправочных зиккуратах, напоминавших пирамиды майя, – чего тут только, если приглядеться, не было. Пожалуй, особняком всё же стоило отметить научно-исследовательские «летающие тарелки» камиианцев – пожалуй, некогда наиболее известную среди людей разновидность внеземной техники с наиболее распиаренным в массовой культуре образом пришельцев на борту.

Однако во всей этой серой массе случайного скопления кораблей, как ни странно, встречались и жемчужины, самой яркой из которых, вне всякой конкуренции, была аймурская «сфера». Яркая, источающая успокаивающий, но не слепящий изумрудный свет, она напоминала миниатюрное солнце, взошедшее посередине парковочной зоны. «Сфера» манила, чаровала, гипнотизировала, собрав вокруг себя немалую толпу зевак, желавших не только увидеть подобное чудо собственными глазами, но и запечатлеть его на память потомкам. Визуально она не имела ни входа, ни выхода, ни каких-либо отчётливо выделявшихся на фоне непрерывного свечения деталей технического предназначения. И, грубо говоря, «сфера» не была строгим идеальным шаром: форма незначительно колебалась, находясь в постоянном движении и переливаясь узорчатыми оттенками. Желавших дотронуться до неё было много, однако – никто не осмеливался. Всё, связанное с аймурами, страстно манило и в то же время пугающе отталкивало.

– Стоп! – потребовал неожиданно оживившийся бретёр. С момента недавно перенесённого кризиса самочувствие стремительно начало подниматься вверх. Не спрашивая побудивших пассажира причин, автоматон покорно и беззвучно остановил свой драндулет, возвестив приятным искусственным голосом о совершённой по требованию остановке. Спешно отворив дверь, Хатхи Шан резво выскочил наружу, поспешив навстречу изумрудному свечению. Сперва сбавил шаг, а следом и вовсе остановился, решив полюбоваться на эту красоту. Недоумевая, Жарлин выбрался следом.

– Эй! Ты чего это удумал?! Не дури, залезай обратно! Мы же не хотим пропустить интервью, – устало поторопил Гис, неспособный после долгого пробивания в космопорт по достоинству оценить красоту сего зрелища.

– Успеется. Немного подождут – с них не убудет. В конце-то концов, я только что был на волосок от смерти, пережил дуэль, проучил очередного упыря, и меня вдобавок ещё и окатили грязью с ног до головы. И после всего этого, могу я хотя бы немножечко позволить себе покапризничать? – полушутливо-полусерьёзно заметил шевалье. – Нет, ну ты глянь! Когда мы сегодня только выходили – этого челнока ещё здесь не было. Интересно, что в таком месте могли потерять аймуры. Уж не на мою ли дуэль слетали посмотреть?!

Восторженно любуясь, Хатхи улыбался как ребёнок, не в силах отвести взор.

– Мечтай побольше. Скоро начнётся прямой эфир по основному каналу планетарного вещания. Передача выйдет ровно по расписанию, и даже ради такого неординарного события они не станут делать для тебя исключения, – с неудовольствием отметил Гис. – Дикари, что с них взять? Каналы общегалактического вещания у них и то запрещены, политика жёсткой информационной самоизоляции. Во всяком случае – для рядовых граждан. А, впрочем, ладно, любуйся. Но только не долго.

Хатхи кивнул, не слушая и, как и все, замороженный, всматривался в сферу.

– Спасибо, но дальше мы пойдём пешком. Здесь уже недалеко, – тем временем, обращаясь уже к автомату, пояснил Жарлин. Приняв информацию к сведению, тот выдал «благодарим вас, за то, что вы... бла-бла-бла... желаем вам... бла-бла-бла... и не забывайте... бла-бла-бла... в следующий раз... бла-бла-бла... постоянным клиентам – скидки и... бла-бла-бла», – после чего, затворив дверцы, развернул гравикар и уехал прочь по служебным обязанностям.

Покачивая головой, Гис с иронией посмотрел на Хатхи, который, казалось, просто не замечал ничего вокруг, за исключением переливающейся сферы.

Несмотря на то, что Шан, конечно же, как и все, был вполне наслышан про аймуров, за всю жизнь ему всего пару раз доводилось видеть их корабли собственными глазами в такой непосредственной близости, а живого аймура (во всяком случае, осознавая этот факт) он наблюдал всего один раз, издавека, и то – очень давно.

Насколько ему было известно, аймуры, предположительно, бороздили космос ещё в ту далёкую пору, пока по Земле даже не бегали динозавры. Они посещали миры многих рас, изредка попадая в поле зрения аборигенов; но вплоть до начала галактической экспансии человечества у людей не существовало технических средств, позволявших запечатлеть или уловить на радаре как самих аймуров, так и их корабли или иные технологии. В основном с уверенностью о них можно было сказать лишь одно: рассуждая об аймурах, ни в чём нельзя быть уверенным наверняка. Касательно их природы, целей и вида общественной организации периодически строились различные версии, теории и предположения, большинство из которых, в конечном итоге, с треском проваливались, поскольку некоторые новые всплывающие факты прямо опровергали то, что ранее считалось аксиоматически констатированным. Масло в огонь подливали сами аймуры, то поступая вполне логично и последовательно, с точки зрения иных рас и культур, то совершая действия, совершенно чуждые стороннему пониманию.

При этом, аймуры, казалось бы, особенно не скрывались, шли на контакт, в некоторой степени делились знаниями, активно изучали чужие культуры и нередко выступали в роли советников и консультантов для других рас, населяющих галактику. Но стоило попросить их подтвердить или опровергнуть какие-либо предположения, связанные с фундаментальными вопросами современной науки или мировыми религиями, они либо прямо отказывались делиться информацией (мотивируя это тем, что «всему своё время», «знания имеют ценность, если постигнуты самостоятельным путём», «эти сведения не для посторонних», «истина должна быть постигнута, а не преподана» и т.д.), либо сводили всё в шутку, либо из раза в раз «откровенничали», сообщая информацию, вступающую в открытое противоречие с их предыдущими утверждениями.

Аналогичным образом аймуры поступали, если кто-нибудь осмеливался задать им в лоб вопросы касательно истории, культуры, передовых достижений и физиологии этой расы.

Из всего блока ведущих держав Пангалактического Альянса, Преконсулат Аймура превосходил прочих примерно настолько же, насколько пастух превосходит стадо овец, которое он пасёт. А скорее, даже намного больше.

Что именно в точности означает слово «преконсулат» Хатхи Шан не знал, хотя насколько он помнил из лекций, читаемых в Дуэльной Гильдии, «преконсулат» как некая, в неприличном смысле, непонятная форма государственной организации аймуров, не является ни республикой, ни монархией, а созвучность со словом «консул» является чистой случайностью. При этом данное слово также встречалось в языке минорцев, хотя – и использовалось в другом, более конкретном значении. Боевая мощь даже самых заурядных кораблей аймуров (если слово «заурядный» здесь вообще приемлемо) была колоссальной и несоизмеримо превосходила любые изобретения и технологии прочих известных рас в пределах Освоенного Космоса, а о личных способностях самих аймуров ходило немало как чарующе прекрасных, так и леде-

нящих кровь легенд. И это при том, что ни одному идиоту до сих пор так и не приходила в голову безумная мысль ввязываться с аймурами в войну.

Просто так уж сложилось, что большинство разумных обитателей галактики считали аймуров бессмертными и непобедимыми априори. Хотя, в конкретном данном случае, Хатхи, как и некоторые его знакомые коллеги по Гильдии, имел альтернативное мнение. Существование совершенно непобедимых врагов – невозможно в принципе, так же как существование некоего «волшебного удара», «непробиваемой стойки» и тому подобных мифических глупостей, которым всевозможные шарлатаны обещают обучить во всевозможных не прикладных тренировочных секциях. Существует лишь оптимальное в данном конкретном случае действие и подходящее для данного конкретного момента положение тела. Ведь в конце концов победителем выходит не тот, кто объективно является «сильнее» или «умнее» своего противника, но тот, кто обладает преимуществом и способен своевременно его применить в конкретно разбираемом частном случае. На протяжении всей истории человечества всегда разрабатывались как новые виды оружия, превосходившие имеющиеся на данном этапе развития средства защиты, так и новые средства защиты от этого оружия. И если чья-либо мощь, на данный момент, возможно и выглядит неоспоримой, то, во всяком случае, это лишь говорит о том, что пока не разработано адекватной тактики противостояния этой силе. Что не исключает в принципе такую возможность.

Что же, всё-таки, было известно об аймурах, хотя бы на уровне предположений? Хатхи приходилось слышать несколько версий. Согласно одной, аймуры делились на некие родственные группы, отличавшиеся по роду занятий и цвету. Каждая из таких групп имела своего представителя, и эти представители образовывали координационный совет. Но это казалось маловероятным.

Аймуры, как и их «сферы», могли иметь самый различный оттенок цветовой гаммы: лазурный, изумрудный, золотисто-оранжевый, гранатово-красный и так далее. И, хотя между собой они общались, не применяя какой-либо устной речи и, пожалуй, имена, если они у них на самом деле были, складывали из каких-нибудь частотных колебаний, то в общении с прочими расами они называли тех или иных аймуров, скажем, «Окки Мектала» или «Юкки Аквитиата», или «Акки Юттани». При этом наглядно было заметно, что, скажем, «Мектала» может быть исключительно лазурный аймур, «Аквитиата» – оранжевый, а «Юттани» – изумрудно-зелёный. А повторяющиеся имена, такие как Акки, Юкки, Окки, Ёкки, Укки и прочее – могли говорить о статусе или занимаемой роли в данной группе.

Но очень скоро стало понятно, что, во-первых, излучаемый аймуrom цвет не является каким-то статичным признаком: он может произвольно измениться, как и обращение со стороны своих соотечественников. Вместе с тем, у аймуров в принципе не было какой-либо статичной формы: чаще всего они являлись представителям иных рас в качестве излучающих (часто, но не всегда) не обжигающее свечение гуманоидов, либо парящих светящихся сфер или сгустков, однако всё это было не более чем личины, показавшиеся в настоящий момент оптимальными для достижения тех или иных целей и задач.

Согласно другой распространённой концепции, аймуры воспринимались не в качестве некоторой самостоятельной расы, представленной множеством индивидуумов, но в качестве некой единой разумной электромагнитной формы жизни, охватывающей широкий радиус действия, обладая, при этом, феноменальным экстрасенсорным потенциалом. Эдакий серый кардинал, рассредоточившийся по галактике и через свои визуализации поддерживающий иллюзию существования целого вида, преследуя свои малопонятные цели.

Радовало только одно: хотя, при желании, ничего не мешало бы аймурам в любой момент подчинить своей воле всех и вся, начав править галактикой единолично и открыто, – им просто не было это нужно.

Ну, в действительности, если строго рассудить, для существ, обосновавшихся, по большей части, у сверхновых звёзд спиральных витков галактики и в её центральной части, где существование иных известных форм жизни в принципе считалось невозможным; владеющих силой, позволяющей влиять на зарождение звёзд и изменение их электромагнитной сигнатуры, образование чёрных дыр и движение планетарных тел – какие-то там козявочки с их правилами и внутренними распрями могли, разве что, представлять на досуге лишь некий энтомологический интерес.

Как, скажем, если вы – генеральный директор ведущего монопольного предприятия, а на заднем дворе вашей дачи существует муравейник, в котором имеются своя королева, трутни и прочее в этом же духе, – не станете же вы уподобляться неразумному ребёнку, вороша их жильё веткой и поджигая лупой? Ну, живут себе и живут, пока к вам в дом не лезут – ради Бога, а у вас – и своих серьёзных дел хватает.

Но, так или иначе, контакты имели место быть. Как известно, реальность дана нам в ощущениях, однако диапазон воспринимаемых ощущений очень разнится: обычный человек не может слышать ультразвук, который доступен дельфину или собаке, но может видеть цвета, которые не различит его пёс. Иными словами, люди видят, слышат и ощущают окружающий мир не непосредственно глазами, ушами или кожей, а мозгом, интерпретирующим посылаемый рецепторами сигнал. Вследствие чего человеческий мозг как способен не замечать чего-либо из того, что находится у человека под носом, так видеть, слышать и чувствовать то, чего на самом деле нет. Фактически, что есть человеческий мозг? Не касаясь сложных химических нюансов, можно сказать, что мозг – это, по меньшей части, синапсы, передающие сигналы наподобие электрических импульсов, и, по большей части, липиды, предохраняющие эту слаженную сеть от травм и замыканий. По сути – приёмник и передатчик волн определённой частоты, что, фактически, является фундаментальной основой псионики как прикладной науки.

Аймуры могли перехватывать радиосигналы, отслеживать всевозможные излучения и, в том числе, воздействовать на умы разумных созданий. Внедряясь в различные общества и культуры, они, проявляя энтомологический интерес, изучали повадки и характеры особей тех или иных рас, принимая при этом различные роли – от совершенно заурядных обывателей до таинственных «людей в чёрном» из городских легенд. Согласно ряду свидетельств, аймуры поглощали энергию звёзд и активно использовали её для самых различных целей, включая синтез материи, перемещение в пространстве и времени, воздействие на те или иные предметы или субъекты. В том числе, возможно, и для создания себе подобных.

Однако же, так или иначе, они, несмотря на всю их загадочность, тоже были частью этой вселенной, и, стало быть, подчинялись её законам, включая такие фундаментальные положения, как, скажем, закон сохранения энергии. Для осуществления своей деятельности аймурам приходилось поглощать и задействовать астрономические запасы энергии, но, насколько известно, накопление энергии приводило к нагнетанию массы и, в определённый момент, могло привести к настоящему коллапсу. Каким же образом необходимо было откалибровать данный процесс, чтобы избежать подобных инцидентов? Наблюдение показывало, что послы Преконсулата предпочитали селиться на полюсах, в полярных шапках планет, имеющих атмосферу. Выброшенные звездой протуберанцы, сталкиваясь с атмосферой, стягивались к полюсам, образуя эффект «северного сияния». Аймуры, пусть и не без корыстных побуждений, выполняли роль эдаких добрых самаритян, снижая общепланетарный уровень радиации в силу своих нужд. При этом резиденции послов, расположенные в ледниках, обычно имели очень высокую температуру, и углеродистым формам жизни было небезопасно находиться там длительное время. Однако ни рядовые аймуры, прилетавшие по тем или иным причинам в населённые миры, ни их корабли вопреки всем опасениям не облучали окружающих радиацией.

Ну, что ещё можно было сказать? Аймурам в принципе были чужды такие понятия как семья, дружба, любовь, брак – во всяком случае, в том понимании, которое в них вкладывали многие расы галактики. И в этом не было ничего плохого. Как, скажем, не совсем корректно было бы спрашивать «а может ли аймур умереть?», поскольку, являясь существами с качественно отличной физиологией, аймуры и не жили в привычном понимании этого слова. Они просто являлись существами другой категории – только и всего. То есть, чисто теоретически, с учётом определённых возможных обстоятельств, аймура, как временно материализованную форму, можно было разрушить. Вот только привело ли бы это к уничтожению личности, если допустить, что жизнь – это высшая форма организации энергии, аймуры – это энергия в чистом виде, а согласно первому закону термодинамики, энергия не возникает из ниоткуда и не пропадает бесследно, а сохраняется, лишь переходя из одного состояния в другое? Далеко не факт. А если всё-таки предположить, что все виденные аймуры являются аватарами одной единой сущности, либо некоего коллективного разума – то тем более.

В общем, принципиально, либо, на данный момент, аймуры являлись непостижимой загадкой для всех разумных рас на просторах Освоенного Космоса. И это делало их особенными. Хатхи Шан не мог понять и осмыслить их природу или мотивы, но это обстоятельство никак не мешало ему просто любоваться и восхищаться невообразимой красотой этих сказочных существ...

Гистен терпеливо ждал, когда его компаньону наконец надоест, то и дело с неудовольствием бросая взгляд на тридцатисемичасовые часы. В следующий раз, когда будет очередь Хатхи выступить в роли секунданта и организатора, – необходимо будет заставить подождать и его, чтоб сравнил, каково это – выбиваться из графика. Подняв взгляд, Жарлин ненароком обратил внимание на одного человека, показавшегося ему несколько странным. Мужчина в форме рабочего техника, появившийся из дальнего ангара, целенаправленно двигался им навстречу, но было в его движениях и внешнем виде что-то настораживающее. Совершенно бледное, лишённое всякой мимики лицо, безучастные глаза с потерянными, будто у наркомана под дозой, взглядом, странная неестественная походка, в целом неопрятный вид. Находясь уже на приемлемой для поражения дистанции, мужчина опустил руку в один из многочисленных карманов своего рабочего комбинезона, поднял трёхствольный скорчер, представлявший собою, по сути, комбинацию из нескольких орудий различного принципа действия, не сбавляя шагу, нацелил стволы перед собой и, держа руку вытянутой, произвёл выстрел.

...Тем временем, действие препарата постепенно начинало ослабевать и, вместе с тем, доселе молчавшее чутьё забило тревогу, предупреждая об опасности. Но – было уже слишком поздно.

– Хатхи!!! – раздался рядом встревоженный голос Жарлина, и, в следующий момент, бретёр уже падал, сбитый с ног товарищем. Перед ударом о покрытие космопорта, шевалье, пусть и краем глаза, но всё-таки успел заметить секундный всплеск когерентного света, исторгнутый квантовым генератором.

Дежурившие в данном секторе робовоины среагировали моментально, открыв ответный огонь на поражение. Предлагать сдаться и сложить оружие они, по всей вероятности, не сочли нужным или возможным. А на партию оружия нелетального принципа действия, позволявшего легко и просто выводить представителей большинства известных видов из строя, администрация космопорта, похоже, поскупилась. Как, впрочем, и на анализаторы для энергоковертеров. Вместо этого решили ограничиться стандартным боевым. Нападавший не успел оказать им какое-либо сопротивление, за считанные доли секунды превратившись в какое-то нежизнеспособное месиво.

Приподнявшись, Хатхи повернул голову и увидел распластавшегося на земле и истекающего кровью Гистена. Его друг умирал.

– Гиис! – ошарашено и потеряно оглядываясь, как будто не веря в случившееся оттого, что оно произошло так неожиданно, стремительно и недавно, Хатхи навис над Жарлином, сжав его окровавленную руку.

– Кодированный... – кашляя кровью, прохрипел тот. – Я видел его глаза... Я видел таких раньше... Над ним поработал псионик...

– Гис! Помолчи. Сейчас прибудет автодок, Гис! – проклиная себя, за своё любопытство, заставившее покинуть гравикар и задержаться, проклиная препарат, не позволивший ему своевременно ощутить и предотвратить надвигающуюся угрозу, Хатхи понимал, что этот выстрел, скорее всего, предназначался ему самому.

Вокруг уже началась суета: переполошились сотрудники космопорта, со всех концов сбегались зеваки, утратившие интерес даже к аймурской сфере. Робовоины оцепили территорию, оперативно подлетал дежурный гравикар скорой помощи, вот только помогать, казалось, скоро будет уже некому. Хатхи не замечал ничего вокруг. Он желал только одного – исправить свои ошибки, едва не стоившие жизни не только его другу, но и ему самому.

– Держись! Всё будет хорошо! – пообещал шеваляе, и в льдисто-серых глазах в этот миг читалась суровая уверенность. Плавно, постепенно, но верно наращивая темп, незримые вихревые потоки, пронизывая все клетки тела, пронеслись по капиллярам, извилинам мозга, и в какой-то миг в сознании словно раздался щелчок. Подобно сорванной с гранаты чеки или нажатому спусковому крючку – это было началом опасной реакции.

В какой-то момент все краски, все звуки, все движения – прервались. Время прекратило свой бег. Весь мир словно замер в ожидании...

...А затем, всё так же резко, наращивая темп, – пришёл в движение. Но только – уже в обратном направлении. Поначалу, неторопливо, медицинский гравикар уехал прочь, зеваки разбежались обратно, а растянутые в оцепление робовоины стянулись вновь. Хатхи отпустил своего друга и, повернув голову, снова лёг на землю. Выстрелы робовоинов вернулись к ним же, а нападавший, ожив и поднявшись, втянул свой луч обратно в дуло боевого лазерника, отходя спиной назад, в то время как Жалин, выкрикивая «Ихтах!!!», отскочил от компаньона...

...События ускорились, всё стремительнее и стремительнее. Вот, Хатхи вновь любитесь сферой, вот – автоматон возвращается на своём гравикаре, пересказывая в обратном порядке свой рекламный монолог, после чего оба мужчин, следуя задом-наперёд, снова оказываются в машине и едут спиной, при этом наблюдая, как автоматон-трудяга старательно возвращает на место в неприличное слово недостающую букву, как робовоин аннулирует выписанный им недавно штраф, а рабочие загружают конфискованную контрабанду обратно.

...Быстрее, быстрее, быстрее...

И вот – врата космопорта распахиваются, и мужчины, решительно проталкиваясь спинами через толпу журналистов, следуют назад, а от силового поля в окружающую толпу демонстрантов живописно слетаются целые куриные яйца, бутылки и помидоры...

...Быстрее, быстрее, быстрее...

Официальная часть, аэротакси, аэроплатформа...

...Быстрее, быстрее, быстрее...

И вот, они снова находятся на «Стоянке семи ветров».

...Быстрее, быстрее, быстрее...

И кровь барона стекается обратно к разрубленным частям его тела, а те, подскакивая, снова срастаются в живого человека.

...Быстрее, быстрее, быстрее...

И странный бой только в самом разгаре, а после него следуют совместный обстрел взглядами, проверка на сканерах и отход к различным краям платформы. Ветер дует в обратную сторону, а двойное лазурное солнце не поднимается, а уходит.

...Быстрее, быстрее, быстрее...

Тело не способно отслеживать такое количество движений, а сознание – воспринимать такой поток информации и действий. Звуки, запахи, цвета, ощущения – всё сливается в один сплошной неразличимый поток. Белый тоннель, по окраинам которого, некоторое время, ещё заметно какое-то мельтешение, но он разрастается и, вскоре, всё заглатывает...

...Первые несколько мгновений Хатхи Шан выглядел словно битый ломом. Новые запахи, картины, звуки, чувства резко нахлынули на органы чувств. Он и в самом деле не понимал, кто он, где он и что вообще происходит. Где-то на переднем фоне Гистен вёл очередную познавательную полемику с искинтом, но шевалье не был в состоянии что-либо воспринимать. Вскоре он ощутил металлический привкус и запах крови. Она шла у него из носа. Голова кружилась – в этот момент по мозговым рецепторам словно бы нанесли мощнейший удар. Ком резко подступил к горлу и бретёра вырвало, что никак не могло не привлечь внимания дискутирующих.

– О, Боже мой! Только не на новый ковёр! – взмолился пусть и не естественный, но мелодичный голос искинта.

– Хатхи! Ну, началось! – практически в унисон с ним воскликнул Жарлин, поспешив на помощь другу. По телу Хатхи прошли болезненные судороги и он, свалившись с кресла на пол, забился в диких конвульсиях.

Глава 2

Сознание возвращалось к нему далеко не сразу. Болезненно приоткрыв глаза, Хатхи неторопливо осмотрелся вокруг и, поняв, что он жив, сделал ещё несколько логично проистекавших из этого вывода заключений. Во-первых, он находился на борту своего звездолёта – довольно-таки широко известного в узких кругах бретёрского судна «Свэшбаклер». Причём, не абы где-нибудь на звездолёте, и уже даже не в медотсеке, но в собственной каюте, куда его мог любезно перенести разве что Жарлин. Во-вторых, скачок во времени удался, что, с одной стороны, означало, что Гистен ещё жив и пребывает в добром здравии.

И это – сношательски как хорошо.

Но, в то же время, они ещё даже не прибыли на Алиус, и, стало быть, все хлопоты и приготовления ещё только предстоят, дуэль ещё не состоялась, барон Казимир Валак – ещё жив, а контракт – ещё не выполнен.

И это – сношательски как плохо.

Но, впрочем, так или иначе, количество плюсов было способно, в общей сумме, компенсировать количество минусов. Что в целом уже радовало.

Шевалье попробовал присесть, но, вскоре ощутив, что голова закружилась вновь, решил ещё некоторое время полежать и набраться сил.

– Мастер Хатхи, как ваше самочувствие? – возникнув на экране головизора, уточнило виртуальное лицо искинта. – Я уже сообщил мастеру Гистену о вашем пробуждении. Он обещал зайти через минуту.

– Сойдёт. Только голова кружится и мутит немного. Передай ему, что он может не торопиться, я ещё... – договорить шевалье не успел, поскольку гидравлическая система пришла в движение, отворив дверь, и в помещение, с куриным бульоном на подносе, зашёл Жарлин.

– *Consumor aliis inserviando*. Вообще-то я готовил для себя, но раз уж такое дело, – заметил тот, поднося еду.⁶

– *Debes, ergo potes*. Я сам, – всё-таки сделав над собою усилие, мужчина присел и, установив поднос на выехавшую из стены столешницу, взял в руки ложку. – На всякий случай решил уточнить: натуральное или синтетическое?⁷

– Натуральное, натуральное, – отмахнулся Жарлин, без приглашения присаживаясь на край кровати. – Что-то давно уже за тобою не водилось таких припадков. Кровь из носа, судороги. До сердечного приступа, правда, ещё не доходило, но с припадками, думал, мы уже распрощались.

Переведя взгляд на Гистена, Шан в очередной раз вздохнул с облегчением, радуясь тому факту, что друг его жив.

– Я до последнего не был уверен, что всё получится, и я не отдам концы. Мало того, что я буквально только начал отходить от препарата, так ещё и всё произошло настолько резко, без предварительной подготовки, в экстремальной обстановке, после пережитого стресса. В общем, выдержало так, что будь здоров. Вполне могло и не сработать, – поедая бульон и, вместе с тем, торопясь и заплетаясь, поделился Хатхи. – Правда, я меморизировал структуру более позднего момента и не ожидал оказаться тут. Видимо, сработал не слишком удачно. Но – и так сойдёт.

– Тише, тише. Нормально доешь сначала. На тебе просто лица нет, – покачав головой, с неудовольствием констатировал Жарлин. – Ну и каков в этот раз предварительный прогноз на будущее?

⁶ «Служа другим – расточаю себя» (лат).

⁷ «Должен – значит, можешь» (лат).

– Как ты уже мог логично предположить, у меня для тебя есть плохие новости. Потому что в противном случае – я вряд ли стал бы совершать скачок. Разве что замечтавшись и поддавшись неудержимому желанию отведать твой фирменный бульон, – сострил шевалье, но видя, что и шутка неуместная, и Гистен совершенно не в настроении, продолжил уже серьёзное: – Впрочем, также я принёс хорошие или просто интересные новости. С каких начать?

– Давай уже, не тяни, – раздражённо поторопил Жарлин. – Начать, я думаю, следует с плохого.

– Ну, хорошо. То есть, плохо. Во-первых, тебя убили... М-м-м... Вкусный бульончик, – стараясь смягчить эффект от признания, Хатхи ненавязчиво попытался перевести разговор на другую тему.

– Как?! Снова?! – проведя рукой по своему лицу, Жарлин несколько взъерошил волосы и вскоре, уже обретая самообладание, уточнил: – Где, когда и каким образом на этот раз? По твоей милости меня уже неоднократно резали, сжигали, съедали заживо, брызгали в лицо серной кислотой, закалывали... Сколько уже раз? Девять или десять?

– Четырнадцать, – ненавязчиво напомнил искинт, самым нахальным образом вступая в разговор. – Это если не считать мирные скачки, спонтанные скачки или проблемные нелетальные происшествия, наподобие провала контрактов по форс-мажорным обстоятельствам или получение тяжёлых увечий.

– Тем более! Так, стало быть, уже даже не четырнадцать, а пятнадцать. Надо будет запомнить, а ещё лучше – записать, потому что я уже, как видишь, со счёта сбиваться начал, – переводя дыхание, Гистен продолжил: – Ладно, как это вышло на этот раз?

– Между прочим, я тоже несколько раз уже попадал под пули, взрывался, разбивался, был арестован или зарезан по твоей милости. Хотя, наверное, и не так часто, – справедливости ради напомнил Хатхи, переходя ближе к начальной теме. – В этот раз тебя застрелили. Какой-то кодированный, как ты сам успел различить. Всё произошло слишком быстро, я толком сам не успел разобраться.

– Застрелили, и даже не на дуэли. Как прозаично, – поморщился Гистен. – И как всегда – спасая твою шкуру, как я полагаю. В общем, ты за это проставляешься.

В очередной раз покачав головой, Жарлин кивнул:

– Ну, ладно, шут с ним. А где и при каких обстоятельствах это всё-таки произошло?

– В космопорту, когда мы уже возвращались после выполнения условий контракта. Тут уже, к слову, начинается хорошая сторона, – приободрившись, заметил шевалье. – Барон, конечно же, пал от моей руки, хотя и оказался куда более серьёзным соперником, чем мне казалось в самом начале. Готов держать пари, что его, в своё время, тренировал кто-то из наших. Это, в принципе, объясняет и его выбор оружия. Заодно, кстати, в этот раз проверь: если его обучали искусству фехтования на гравирапирах без лицензии, то за это не грех кого-нибудь и отсношать как следует и куда следует. Прошлый раз ты, конечно же, первым делом проверил и сказал, что в базе данных Гильдии он не проходил в качестве частного ученика бретёра. Но, возможно, стоит пошуршать по своим каналам? Скажем, так, чисто ради интереса?

– Без проблем, – кивнул Жарлин. Было очевидно, что после известия Хатхи желание лететь на Аулиус в нём существенно поубавилось. Однако контракт был уже заключён, аванс получен, предварительная работа по проекту, с организацией всех технических нюансов и выходом на нужных лиц, велась, так что отступать было поздно.

– Что насчёт провокации и компромата? – деловым тоном осведомился Гистен.

– С этим всё гладко. Информатор честно отработал переведённую на его счёт сумму, – зевнув, ответил Шан и, прикрыв рот ладонью, добавил: – Прощу прощения.

Гистен сидел с серьёзным, по-деловому напряжённым видом, переваривая услышанное. Тем временем Хатхи, с неожиданно проснувшимися в нём бодростью и аппетитом, энергично уплетал приготовленный завтрак.

– Спасибо, – поблагодарил он, возвращая поднос с опустевшей миской.

– Пожалуйста. Ладно, ещё успеем поговорить и обсудить всю стратегию в деталях. Набирайся сил – тебе необходимо быть в форме, когда мы прилетим, – напомнил секундант, принимая поднос. – Лучше всего – просто выпись.

– Покорнейше благодарю, но я, кажется, если судить по моим ощущениям, уже отоспался на две недели вперёд. Или даже три. Хотелось бы уже и активного отдыха, разминки, так сказать, – посетовал Хатхи.

– Это тебе пока что так кажется. А в беспамятстве ты находился всего лишь дня два. Мы только заключили контракт и были заняты сбором дополнительных сведений, когда у тебя начался приступ. Для дуэльной разминки ты ещё слишком слаб. Возможно, нам потребуется слегка повременить перед началом провокации, – поделился соображениями Жарлин. – Но, если и правда уже не спится, то я бы рекомендовал тебе просмотреть записи своих прошлых боёв или выступлений на публику. Соберись духом, мобилизуй все резервы...

Хатхи знал, что сейчас начнётся, и не желал в который уже раз это выслушивать. А значит – необходимо было ускорить этот нудный процесс. Сосредоточившись, Шан начал разгонять свою «пси», постепенно наращивая темп. Вместе с тем события вокруг начинали развиваться со стремительной скоростью.

– Я в который раз уже тебе говорил, что обязанностью любого уважающего себя брётёра является постоянное самосовершенствование не только в вопросах практики, но и ввопрос... – голос Жарлина ускорился, поначалу сделавшись комично – писклявым и нелепым, а затем – слова так и вовсе слились в один неразборчивый писк. Оживлённо, с безудержной скоростью, в движение пришла и мимика Гистена. В совокупности эти два фактора едва не рассмешили шевалье, хотя ему уже не первый раз приходилось видеть подобное. Впрочем, наблюдать со стороны, как человек длительное время сидит, уставившись в одну точку, и улыбается, как умалишённый, – тоже может показаться кому-нибудь забавным.

Настенные часы, отображавшие общее и частное течение времени в различных секторах галактики, заспешили, начав стремительно отсчитывать отрезки. Минуты пролетали за секунды, в то время как Жарлин, оживлённо жестикулируя, стремительнее ракеты носился по каюте, мелькая шлейфом тающих контуров. Наконец, так же постепенно и плавно, ход времени вернулся в своё привычное русло.

– ...и об этом – не следует забывать ни на час, ни на минуту, ни на секунду. Потому что даже именитые мастера, наивно полагавшие, что с их огромным опытом стоят выше подобных мелочей, – на подобных мелочах и спотыкались, – продолжил меж тем Гистен и, остановившись перед кроватью, заметил: – Мне кажется, что ты меня вообще не слушаешь.

– Нет-нет, всё, как обычно, было очень познавательно и интересно. Я просто внимательно слушаю и стараюсь не перебивать, когда ты начинаешь так самозабвенно делиться собственной мудростью, – поспешно заверил Хатхи и, вместе с тем, напомнил: – Правда, к слову, кто-то вроде как советовал мне отдохнуть, набраться сил и привести себя в надлежащий вид. И у кого-то, вроде бы, были и другие неотложные дела.

– Да, это действительно так, – в очередной раз подняв поднос, согласился Жарлин и, уже направляясь к раскрывшейся на его пути двери, бросил напоследок: – Если вдруг понадобится – не стесняйся, зови.

– Конечно, спасибо, – кивнул Хатхи и, снова растянувшись на кровати, закрыл глаза. Спать он действительно уже не собирался. Да и если бы внезапно захотел – просто уже не мог после всего пережитого. Но упорядочить мысли было просто необходимо.

Впереди ещё предстоял относительно долгий и утомительный перелёт, следом – долгая утомительная процедура таможенного техосмотра. Словом, времени было не то чтобы и навалом, но прилично, и потратить его не мешало бы с пользой. Но тратить его с пользой, то бишь, на просмотр старых записей и повторение теории, как обычно, было лень. Заниматься прак-

тикой Жарлин пока запретил, и, в принципе, в этом был абсолютно прав. А, значит, надо было думать, думать и думать...

О чём угодно, но – только бы удержать мысль. Поскольку первое время с момента переноса вероятность произвольной попытки повторного скачка (который будет просто не по силам совершить) оставалась довольно высока. И так – до тех пор, пока у псионика не пройдёт так называемый «поствременной синдром», «хроносиндром» или ПСВ, как его ещё называли.

Пси, повинуясь отголоскам недавнего разгона, первое время может попытаться устроить спонтанный скачок, хотя, грубо говоря, нынешний лимит временно исчерпан. И, случись такое, это практически наверняка означает верную смерть или серьёзное увечье для тела в целом и мозга в частности, после которого думать о будущих скачках уже не придётся.

Адаптация, своего рода «акклиматизация в новом времени», всегда занимала различное время, в зависимости от опыта и индивидуальных особенностей конкретно взятого экстрасенса, практикующего темпоральные перемещения. У кого-то этот период мог длиться всего лишь несколько часов, у кого-то – несколько дней. У кого-то – в пределах от нескольких недель до месяца...

Так, думать, не отвлекаться, не расслабляться. Думать о цели. Думать о пути. Поймать фокус. Не отвлекаться. Разобрать детали. Перелёт. Долгий перелёт. Полёт до Алиуса, затем – долгий карантинный осмотр. Впрочем, так дело обстояло лишь в самых общих чертах. Если же разбирать детально, то предстоявший бретёрам путь выглядел намного длиннее. Сначала их звездолёт должен был совершить успешный перелёт через гиперпространство, где он сейчас, собственно, и находился. Уже затем, добравшись до конечной точки перехода – нужно было перейти в обычное пространство. И, лишь затем – прокладывать курс до Богом забытой системы, в которой располагался этот поганый Алиус.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.